

Герб графов Самойловых и геральдическая культура русской элиты на рубеже XVIII–XIX в.

Самойловы происходили из мелкого провинциального дворянства, но затем, в силу случайного стечения обстоятельств, оказались среди аристократии. Семейное предание выводило род из польского шляхетства¹, которое, однако, не подтверждается достоверными источниками. Подобные легенды во множестве бытовали среди дворян несомненно русского происхождения, особую актуальность приобретая в тех случаях, когда семья резко перемещалась вверх во внутрисословной иерархии, как это произошло с Самойловыми.

Их достоверное родословие начинается с конца XVI в., когда царь Иван Васильевич Грозный пожаловал Федору Лукичу Самойлову вотчину в Угличском уезде². В 1596 г. боярин Б.Ф. Годунов, будущий царь, купил у Вялицы (Вялого) Федоровича Самойлова и его племянников Андрея Упятовича (Уметовича) и Степана Ивановича Самойловых три четверти деревни Самойловской, а также выменял еще четверть у Григория Федоровича Самойлова, брата Вялицы³. Известно также, что кроме вотчины у Степана Ивановича Самойлова было и поместье⁴. В XVII в. Самойловы служили городовыми дворянами по Галичу, а в конце столетия – воеводами в небольших городках.

Род неожиданно выдвинулся во второй половине XVIII в. благодаря жеманнице Николая Борисовича Самойлова (1721–1791) на Марии Алексан-

¹ С.В. Любимов уточнял, что выезд Самойловых в Россию произошел не из Польши, а из Литвы (*Любимов С.В.* Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 183).

² *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. С. 352. В.В. Руммель считал, что одновременно Ф.Л. Самойлову была пожалована вотчина в Устюженском уезде, но, по нашему мнению, это ошибка, возникшая из-за неверно понятого текста, где упоминался Угличский уезд, «что ныне Устюжской Железо», то есть Устюжно-Железопольский уезд (Российский государственный архив древних актов [далее РГАДА]. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 9). При Иване Васильевиче Грозном Устюжно-Железопольского уезда не существовало, он выделился из Угличского уезда только в 1685 г.

³ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 9 об.

Ил. 1. Портрет графа А.Н. Самойлова. 1792 г. Худ. И.Б. Лампистарший (Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908).

дровне Потемкиной, старшей сестре фаворита Екатерины II князя Григория Александровича Потемкина. Брачный союз сразу вывел заурядную семью в аристократическую среду. В 1770-е гг. отношения между Г.А. Потемкиным и императрицей были особенно близки, и далеко не случайно в 1777 г. Н.Б. Самойлов одновременно жалуется в тайные советники и сенаторы⁵. О новом положении рода однозначно свидетельствовали браки, заключенные во второй половине XVIII – начале XIX в. с представителями знатных семей: князьями Трубецкими, Раевскими, графами фон дер Пален, графами Бобринскими.

Самойловы всегда были малочисленными (35 человек за 300 лет)⁶ и пресекались по мужской линии в 1842 г. со смертью графа Николая Александрови-

ча Самойлова, а по женской – в 1866 г. после кончины его сестры Софии Александровны, в замужестве графини Бобринской.

Семья оставила заметный след в истории России. Самым известным ее представителем стал Александр Николаевич Самойлов (1744–1814)⁷. Он сделал блестящую карьеру, достиг высоких чинов, должностей и графского достоинства, в пожаловании которого, конечно же, проявился фаворитизм, столь свойственный Екатерининской эпохе (ил. 1).

Службу А.Н. Самойлов начал в 1759 г., вступив рядовым в лейб-гвардии Измайловский полк. В следующем году он перевелся в не менее престижный лейб-гвардии Семеновский полк. Молодой офицер участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., особо отличился под крепостью Силистрия, за что пожалован незадолго до того учрежденным орденом Святого Георгия IV степени. Карьера А.Н. Самойлова стремительно пошла вверх с 1775 г., когда он получил придворное звание камер-юнкера, а в 1776 г. стал правителем канцелярии высшего совещательного органа страны – Совета при Высочайшем Дворе. А.Н. Самойлов участвовал в присоединении Крыма к России (за что пожалован осыпанной алмазами табакеркой), вел успешные боевые действия на Кубани и на Кавказе, с 1786 г. – камергер и генерал-поручик, с 1787 г. – начальник войск в Херсоне. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он служил под ко-

⁵ Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: м-лы для биографий. СПб., 2011. С. 387.

⁶ Руммель В.В., Голубцов В.В. Указ. соч. С. 352–355.

⁷ О нем см.: Самойлов А.Н. граф // Русский биографический словарь. Т. [18]: Сабанев – Смыслов. СПб., 1904. С. 166–167.

мандованием своего дяди князя Г.А. Потемкина и великого полководца графа А.В. Суворова-Рымниковского, участвовал во многих ключевых сражениях – взятии Очакова и Бендер, отважно показал себя при штурме Измаила, когда лично возглавил одну из колонн, атаковавших укрепления, и овладел бастионом. После неожиданной смерти Г.А. Потемкина и до приезда фактического руководителя внешней политики Российской империи А.А. Безбородко А.Н. Самойлов вел переговоры с турками о мире, показав несомненные дипломатические способности. В январе 1792 г. он привез в Петербург известие о заключении победоносного Ясского мира, за что стал кавалером ордена Святого Андрея Первозванного и получил 30 тысяч рублей. Вскоре, как опытного в турецких делах человека, императрица назначила А.Н. Самойлова послом в Константинополь, но в том же году он занял одну из высших в государстве должностей генерал-прокурора Сената. Позже на него было возложено управление «по части казенной государственных доходов и расходов», а также велено присутствовать в Совете при Высочайшем Дворе. В 1793 г. последовали очередные награды: золотая шпага с надписью «За храбрость» и чин действительного тайного советника. Однако, по мнению некоторых авторов, его заслуги на гражданской службе оказались все-таки меньше, чем на военной⁸.

При Павле I А.Н. Самойлов попал в сложное положение. Он был тесно связан с предыдущим царствованием, с фаворитом императрицы Г.А. Потемкиным. Не прошло и месяца со дня смерти Екатерины II, как император уволил его с должности обер-прокурора Сената, хотя и оставил членом Совета при Высочайшем Дворе.

А.Н. Самойлов очень переживал о том, как неліцеприятно после кончины императрицы стали отзываться о его дяде, и на склоне лет написал биографию Г.А. Потемкина⁹. Целью себе поставил защитить родственника от «недостойных лжей, злословий и клевет». Он подробно перечислял заслуги Г.А. Потемкина и относил его «к сословию тех великих мужей, коих возвышенный дух проложил им путь к бессмертию, что имя его останется в потомствах незабвенным и что деяния его навсегда пребудут известны, не по преданиям, но по памятникам заслуг его и подвигов»¹⁰.

Известный мемуарист князь И.М. Долгоруков, неоднократно имевший столкновения с А.Н. Самойловым по службе, давал ему весьма нелестную и, возможно, излишне пристрастную характеристику: «...Природой отличен

⁸ Русский биографический словарь. С. 167. О гражданской службе А.Н. Самойлова см.: Донесение Ее Величеству генерал-прокурора гр. Самойлова об удобнейшем и выгоднейшем для казны способе печатания Алкорана / сообщ. Н.В. Калачов // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 685–686; Мнение генерал-прокурора гр. Самойлова относительно уплаты процентов и долгов, сделанных вне государства (1794 г.) / сообщ. Н.В. Калачов // Там же. Стлб. 687–690.

⁹ Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина Таврического // Русский архив. 1867. № 4. Стлб. 575–606; № 7. Стлб. 993–1027; № 10. Стлб. 1203–1262; № 12. Стлб. 1537–1578; переизд.: Г.А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб., 2002. С. 128–148.

¹⁰ Там же. С. 128.

совсем в другом роде: глуп, спесив, груб, бестолков, дурен», а также называл «титулованный скаред и дурак»¹¹.

27 января (7 февраля по григорианскому стилю) 1793 г. император Франц II возвел А.Н. Самойлова вместе с нисходящим потомством в графское достоинство Священной Римской империи. Здесь надо учитывать, что титул, как и герб, не был универсален, а четко локализовывался территориально и действовал только в том государстве, правитель которого осуществил пожалование. Чтобы принять и пользоваться титулом на родине, А.Н. Самойлову следовало получить соизволение российского монарха, и 1 января 1795 г. Екатерина II пожаловала его «с рожденными и впредь рождаемыми от него детьми и потомками» графским достоинством Российской империи¹² «в воздаяние усердной службы, [...] многих отличных подвигов, во время бывшей войны¹³ оказанных, и ревностных трудов по разным возложенным на него должностям, наипаче же по управлению казначействами Нашими, на пользу государства подъемлемые»¹⁴.

Пожалование было отнюдь не случайным. В тот же день – 1 января 1795 г. – титул графа получил другой племянник Г.А. Потемкина – кавказский генерал-губернатор, генерал-аншеф Павел Сергеевич Потемкин¹⁵. Одновременное возведение двух племянников в графы не могло явиться простым совпадением, а делалось, по-видимому, чтобы увековечить память бывшего фаворита императрицы, умершего осенью 1791 г.

По неизвестной причине А.Н. Самойлов не оформил титул юридически, хотя в указе Екатерины II Сенату прямо повелевалось «поднести» к подписанию диплом (жалованную грамоту) на графское достоинство. Проект документа был подготовлен¹⁶. Он датирован тем же, что и пожалование, 1795 годом, только без указания числа и месяца, которые следовало поставить при подписании.

Статус Самойловых как титулованного рода требовал новой визуальной репрезентации, то есть герба с графскими атрибутами, соответственного иконографической модели, бытовавшей среди аристократии XVIII в. В проекте диплома имеется описание герба, который получился сложным и многопольным. К сожалению, какой-либо рисунок в тексте отсутствует.

Герб графов Самойловых предполагался таким: «Щит разделен продольной и поперечной чертами на четыре равные части. В середине одного изображен родовой дворянский его, графа Александра Николаевича Самойлова,

¹¹ Долгоруков И.М. *кн. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни.* Ковров, 1997. С. 400, 401.

¹² С.В. Любимов ошибочно считал, что графское достоинство Самойловых в России подтверждено в 1793 г. (*Любимов С.В. Указ. соч. С. 183*).

¹³ Имеется в виду Русско-турецкая война 1787–1791 гг.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 (копия указа Екатерины II Сенату).

¹⁵ Любимов С.В. *Указ. соч. С. 125*.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–53 об.

герб, содержащий в красном поле три серебряные продолговатые квадрата¹⁷ [...]»; обе верхние части пересечены косвенными с углов чертами пополам на два поля, из которых у правой левое черное, а у левой правое золотое. Посреди сих двух полей представляется зрению всероссийский государственный герб, переменных с полями цветов [...], а в нижних полях тех же верхних частей по правую сторону в красном виден под императорской Нашей золотой короной перевитый золотой же цепью рог изобилия, коего избытки ниспадают на зелень, белыми цветами украшенную, [...]; по левую же сторону в голубом поле под серебряной гражданской короной [...] изображено бдящее над весами правосудия око [...]. Обе нижние части пересечены также косвенными с углов чертами пополам: по правую сторону в правом черном поле изображена серебром крепостная стена и за ней мечеть [...], а в левом голубом поле представляется взору опроверженная серебряная луна, на которой вознесен острием в верх обнаженный меч с золотой рукояткой, поперек коего переложены наискось крестообразно пальмовая и масличная ветви [...]; по левую же сторону в шахмате, составленном из шести зеленых и красных рядов, виден бодрствующий на горе лев, в половину золотом изображенный, который держит преломленный пук стрел [...]. Щит увенчан свойственной российским графам короной, на ней возвышаются три турнирные шлема, из коих средний покрывает графской короной двуглавый российско-императорский орел; на боковых же шлемах видны: в правой стороне воспаряющий одноглавый орел [...]; а в левой воздвигающийся лев, который, имея на шее лавровый венец и держа меч, ст[е]режет память достохвалных [...] во бранных и мире подвигах, гражданскими добродетелями сопровождающихся. Намет на щите голубого цвета с золотом, подложенный красным. Щит держат: на правой стороне воин, в стальные латы облеченный и мечом препоясанный; а на левой – побежденный турок в голубом верхнем одеянии; первый держит в правой руке копьё, а другой в левой – переломленный лук. В основании щита изображена следующая надпись: «Всегда с усердием»¹⁹.

В тексте подробно объяснялась символика каждой фигуры щита и нащлемников:

три квадрата (на самом деле камня) из родового герба символизировали «правоту и верность» предков А.Н. Самойлова;

¹⁷ Этот фрагмент описания частично зачеркнут и исправлен другим почерком; слова вписаны над строкой и на полях. Предлагался следующий вариант: «[...] Герб, содержащий ж в золотом поле изображение – черный одн[о]главый орел, сидящий на красном щите, в коем три серебряные продолговатые квадрата» (РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.).

¹⁸ Здесь и далее в описании изъято объяснение эмблем, помещенное нами ниже. Текст этого и последующих источников воспроизводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об. – 51 об.

российский государственный герб указывал на императорское «благоволение» и возведение в графское достоинство;

рог изобилия с цепью означал должность государственного казначея, «управление государственными доходами, о приращении которых без отягощения народного явил он уже опыты своего усердия»;

«гражданская корона» служила «знаком прехождения его от воинских к гражданским делам»;

весы правосудия с оком над ними показывали должность обер-прокурора Сената, на которой А.Н. Самойлов продемонстрировал «неусыпное [...] о гражданском правосудии попечение»;

крепостная стена с мечетью символизировала «неприятельские крепости», «при покорении коих оружию Нашему предводительствовал он, граф Александр Николаевич Самойлов, столь достохвально вверенными ему войсками»;

луна, меч, пальмовая и масличная ветви подчеркивали заслуги А.Н. Самойлова в поражении неприятельских войск и в заключении Ясского мира с Оттоманской Портой;

шахматное поле означало «правильность и искусство в ополчениях»;

«двойное с углов наискось разделение» указывало на две войны с Турцией, в которых отличился граф А.Н. Самойлов;

лев на горе с пуком стрел символизировал мужество и «неутомимость в сражениях», а также победы, одержанные графом А.Н. Самойловым в Крыму, на Кубани и за Кавказскими горами;

одноглавый орел в нашлемнике использован «яко изображение, составляющее часть герба его предков и относящееся к возвышению рода его в Нашей империи до знаменитейших степеней чести»;

значение *льва в нашлемнике с лавровым венком и мечом* описано в цитированном выше фрагменте источника.

Значение щитодержателей не разъяснено, но оно очевидно. Воин указывал на военные заслуги А.Н. Самойлова, а турок – победы, одержанные над Оттоманской Портой.

Символы отобраны в точном соответствии с дипломом, и при объяснении их смысла имеются прямые реминисценции с описанием биографии графа в тексте.

Особо следует сказать об изображении, которое названо «родовым гербом» Самойловых. Это широко известный в России польский герб Сулима. А.Б. Лакиер описывал его так: «Состоит из щита, разбитого на две половины; из них в верхней, в золотом поле, видны голова и крылья черного летящего орла, а в нижней, красной, – три драгоценных четырехугольных камня, расположенных в виде треугольника. На шлеме помещена половина летящего орла»²⁰. Он же, пересказывая польскую историографию, сообщал

²⁰ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 291.

фантастические сведения о происхождении герба. Якобы в 935 г. его принесли в Польшу из Германии, где им пользовались графы солимские, владевшие Браунфельсом, Минценбергом и Зонневальдом. Недостоверность версии не нуждается в комментариях хотя бы потому, что до середины XII в. гербов просто не существовало.

Самойловы использовали польский герб Сулима без каких-либо изменений как родовой символ уже в XVIII в., не позднее 1785 г., когда их печать с таким изображением зафиксировал Гербовник А.Т. Князева²¹. Она принадлежала сразу двум представителям рода: братьям Николаю и Александру Борисовичам Самойловым (ил. 2). Учитывая, что, во-первых, гербовник составлялся с середины 1770-х гг., во-вторых, что заметного служебного положения братья достигли как раз в то десятилетие²² и, в-третьих, что они тогда же проявили интерес к собственной генеалогии, можно считать очень вероятным, что герб у Самойловых появился в 1770-е гг. Геральдизация была связана с их социальным восхождением, поскольку занимать видное положение в высшем свете и не пользоваться гербом они не могли. Такая ситуация акцентировала бы происхождение семьи из низших слоев сословия. В культуре конца XVIII в. визуализация аристократического статуса через герб стала уже обязательной нормой.

Бытование герба Сулима в России имело иконографические и идентификационные особенности.

В отечественной культурной традиции герб Сулима визуально переосмысливался и часто приобретал следующий вид: в золотом поле красный щиток с тремя камнями, из которого возникал черный орел. В подобной версии он встречался у Самойловых в 1785 г.²³ В проектах графского герба «родовой символ» еще менее соответствовал гербу Сулима в классическом варианте: поле стало красным, а не золотым; орел и щиток были полностью убраны. Остались только камни. В такой версии он вошел в проект диплома на титул, но при редактировании текста возвратились к версии, бытовав-

Ил. 2. Печать Николая и Александра Борисовичей Самойловых из Гербовника А.Т. Князева 1785 года (М., 2008. С. 166).

²¹ Гербовник А.Т. Князева 1785 года: изд. С.Н. Троицкого 1912 г. / ред., подгот. текста, коммент., послесл. О.Н. Наумова. М., 2008. С. 166.

²² Александр Борисович Самойлов (1725–1790-е гг.), действительный статский советник, в 1778–1787 гг. – правитель Владимирского наместничества (Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 70).

²³ Гербовник А.Т. Князева 1785 года. С. 166.

шей в XVIII в.: цвет поля был заменен с красного на золотой, снова появился и черный орел, сидящий на красном щитке²⁴. Возможно, это произошло под влиянием польской литературы, использованной при подготовке проекта диплома. Однако даже в исправленной версии «родовой герб» отличался от герба Сулима. Таким образом, Самойловы использовали не сам польский герб, а его русифицированную версию.

Вторая трудность, связанная с гербом Сулима, заключалась в идентификации фигур, изображенных в его нижнем поле или в щитке (в зависимости от варианта). При отсутствии описания определить их было непросто. В проекте диплома на графское достоинство они именуются продолговатыми квадратами (что само по себе абсурдно), в публикации Гербовника А.Т. Князева – просто фигурами, в одном из черновых описаний герба оставлено свободное место для названия, поскольку составитель не смог их опознать, указав только, что их три²⁵. В некоторых рисунках графского герба камни больше похожи на звезды²⁶.

Публикатор Гербовника А.Т. Князева С.Н. Тройницкий, описывая печать Самойловых, особо подчеркнул принадлежность герба Сулима польским родам Самойлович и Самуйло, прозрачно намекая на его заимствование у названных семей²⁷. Это было действительно так. Используя созвучие фамилий, Самойловы узурпировали герб шляхтичей. Неоправданные присоединения русских дворян к польским родам, рецепция чужих гербов и сведений о родоначальниках получили широкое распространение в России с XVII в. (например, Аксаковы приписали себе польский герб Аксак, Киселевы – герб Кисель, Масловы возвели себя к шляхтичам Масловским и т.д.)²⁸. Самойловы также действовали в границах этой культурной парадигмы.

Герб Сулима не был утвержден российскими монархами за дворянами Самойловыми, но, тем не менее, стал основой для их графского герба. Сответствуя легенде о выезде родоначальника из Польши, он выступил в качестве родового, древнего символа, подтверждающего благородное иностранное происхождение. Независимо от правомерности заимствования при правовом оформлении графского достоинства его требовалось дополнить элементами, которые репрезентовали бы новый статус. В проекте диплома подчеркивалось, что «одобряются и утверждаются» не только прежний родовой герб (Сулима), но и присовокупляемые «знаменования отличной

²⁴ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.

²⁵ Там же. Л. 27, 49 об.; Гербовник А.Т. Князева 1785 года... С. 166.

²⁶ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–31, 35, 35 а.

²⁷ Гербовник А.Т. Князева 1785 года... С. 166.

²⁸ *Маслов Д.А., Шербачев О.В.* Масловы // Дворянский календарь. Тетр. 11. СПб., 2003. С. 90; *Наумов О.Н.* Очерки по русской генеалогии: избр. труды. М., 2012. С. 481; *Он же.* Гербы рода Киселевых в контексте европейской геральдической культуры // Гербоведение. Т. V. М., 2016. С. 73, 75.

Нашей [императорской – О.Н.] к нему, графу Александру Николаевичу Самойлову, доверенности и незабвенных его во бранях и мире заслуг»²⁹.

Графский герб Самойловых разрабатывался тщательно. В Российском государственном архиве древних актов сохранились уникальные источники, детально раскрывающие этот процесс³⁰.

Для работы над символом привлекли человека, хорошо осведомленно-го в геральдике, способного составить грамотное описание сложного герба. Все проекты соответствуют правилам герботворчества. Единственным недостатком стало то, что при описании перепутаны правая и левая стороны, то есть их счет происходит не от щитодержателей, а от зрителя.

Учитывая проект жалованной грамоты, альтернативные варианты и рисунки, приложенные к родовословным, сохранилось 13 версий герба Самойловых, из них 4 существуют в виде текста, 7 – как изображения, 2 – как рисунки с описанием (см. приложение). Большинство изображений представляют собой черновики и потому невысокого художественного качества.

Большой источниковедческий интерес имеет документ, озаглавленный «Идея о гербе Его Сиятельства графа Александра Николаевича Самойлова»³¹. Он сохранился в двух редакциях, в них описано четыре близких, но не тождественных версий герба.

Основной вариант был таким: «Щит, разделенный косвенными с углов чертами, содержащий в середине родовой дворянский его [графа А.Н. Самойлова – О.Н.] герб, который изображает в красном поле три³²; в верхней золотой части виден государственный герб в изъявление Нашего монаршего к нему благоволения и возведения его в достоинство графа Всероссийской империи за верность его в отправлении государственных, как военных, так и гражданских дел; в нижней черной части крепостная серебряная стена с отверстыми воротами, в коих лежит опроверженная луна, а на сте-

²⁹ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

³⁰ К этим документам приложено недатированное письмо генеалога и дипломата князя А.Б. Лобанова-Ростовского на французском языке, адресованное кому-то из графов Бобринских. В нем сообщается о происхождении рода Самойловых и даются ссылки на труды К. Несецкого и иную, в том числе русскую, литературу (РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–18 об.). Это позволяет предположить, что источники хранились в архиве графов Бобринских, к которым перешли вследствие брака графини Софии Александровны Самойловой и графа Алексея Алексеевича Бобринского (1800–1868). Их сын граф Александр Алексеевич Бобринский (1823–1903) увлекался генеалогией, собирал сведения о роде Потемкиных, часть из которых передал П.И. Бартеневу (*Бартенев П.И.*) Родители князя Г.А. Потемкина-Таврического // Русский архив. 1892. № 4. С. 492). Граф А.А. Бобринский публиковал также материалы, связанные с графом А.Н. Самойловым (см.: Из бумаг гр. А.Н. Самойлова // Русский архив. 1878. № 10. С. 243–250; *Самойлов А.Н.* Указ. соч.), и письмо князя А.Б. Лобанова-Ростовского адресовано, без сомнения, ему.

³¹ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–27 об.

³² Далее в тексте пропущена строчка.

не возвышающийся лев, держащий в правой лапе меч, который проходит сквозь лавровый венок; сим свидетельствуются мужественные подвиги любезноверного Нашего графа Александра Николаевича Самойлова в поражении неприятельских оттоманских сил и укреплений, в правом³³ голубом отделении видны крестообразно положенные масличная ветвь и четыре гражданских серебряных короны в знак трудов его, ветвь при постановлении с Портой мира, а жезл – в отправлении правосудия; в левой³⁴ голубой же части воздвигнута пирамида, из золотых медалей составленная, которая изображает усердное попечение его о приращении и сохранении государственных доходов, и пр.» В деле имеется рисунок, соответствующий этому описанию (см. вкладку, ил. 12)³⁵.

На полях было вписано предложение заменить фразу «и четыре гражданские серебряные короны» словами «и гражданский жезл серебряный с золотой короной»³⁶. Фактически это означало новый вариант герба, но объяснение символики фигур в обоих случаях оставалось одинаковым.

Предусматривалось также альтернативное решение по левой геральдической части. Предлагалось следующее: в голубом поле между четырьмя золотыми и серебряными медалями, положенными квадратно, лилия, имеющая правую сторону золотую, а левую серебряную³⁷, «в означение совершенного попечения его о цветущем состоянии и приращении государственных доходов, успехом сопровождаемых»³⁸. Соответствующий рисунок сохранился, причем в двух вариантах: в одном случае медали разных цветов расположены диагонально, в другом – одна под другой (см. вкладку, ил. 13, 14)³⁹. Какому из этих рисунков соответствует описание неясно, поскольку цвета медалей в нем никак не оговорены.

Еще одна версия герба, близкая к первой, сохранилась только в вербальном виде. Название ее аналогично: «Идея о гербе Его Сиятельства графа Александра Николаевича Самойлова», но описание более полное, поскольку наряду с щитом упоминает другие элементы. Отличия сводились к следующему:

1. Лев в нижнем поле держал «совокупно меч и масличную ветвь и имел на шее лавровый венок»; эмблемы символизировали труды графа «в постановлении с Портой мира» (заключение Ясского договора).

³³ Фактически в левом геральдическом поле.

³⁴ Фактически в правом геральдическом поле.

³⁵ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

³⁶ Там же. Л. 29 об.

³⁷ Возможно, стороны не соответствуют традиции счета сторон в геральдике.

³⁸ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об., 33.

³⁹ Там же. Л. 30, 31.

2. В правом⁴⁰ голубом поле (в тексте названо «отделением») положены крестообразно серебряный жезл, увенчанный гражданский золотой короной, и рог, перевитый золотой цепью, в знак того, что «изобилующий государственной казной о приращении и о соблюдении гражданского правосудия явил он [граф А.Н. Самойлов – О.Н.] усердное попечение».

3. В левой⁴¹ голубой части положены пирамидально три золотых камня, «изъявляющие твердость и непоколебимость» графа А.Н. Самойлова «в трудах для государственного блага».

Согласно этому проекту щит венчала российская графская корона. На ней располагалось три турнирных шлема, из них средний покрыт еще одной графской короной. В среднем нащлемнике находился коронованный российский двуглавый орел, в правом – одноглавый орел, «яко изображение достоинств его рода» (это прямая отсылка к польскому гербу Сулима), в левом – восходящий лев, держащий меч и масличную ветвь, с наложенной на шею гражданской короной «в память военных и гражданских его добродетелей». Намет голубой с золотом, подложенный красным. Щитодержатели: справа воин в стальных латах, слева – «побежденный турок, на котором верхнее платье голубое, а нижнее красное, первый в правой руке держит меч, вниз обращенный, а другой – в левой преломленный лук». Девиз «Всегда с усердием», цвета букв и ленты не указаны⁴².

Сохранился вариант герба графа А.Н. Самойлова с неполным набором второстепенных элементов. Он существует в виде описания, которое отличается от других проектов четкой структурой. Каждый элемент в нем обозначен латинскими буквами:

«Четвероугольный щит, разделенный поперек, в середине коего находится на овальном среднем щите потомственный герб.

Разделение и распоряжение большого щита.

A. В верхнем золотом поле виден черной двухглавой орел, означающий в высокой степени Монаршескую милость.

B. На правой стороне серебряного поля улей с вокруг летящими пчелами, означающий неутомимое радение о пользе отечества.

C. С левой стороны синего поля виден Меркурова золотой жезл, означающий труды [по] коммерции.

D. В нижнем красном поле находятся два связанные рога изобилия с плодами и монетами в награду за оказанные услуги отечеству.

E. Щит увенчанный графской короной, на коей три шишака.

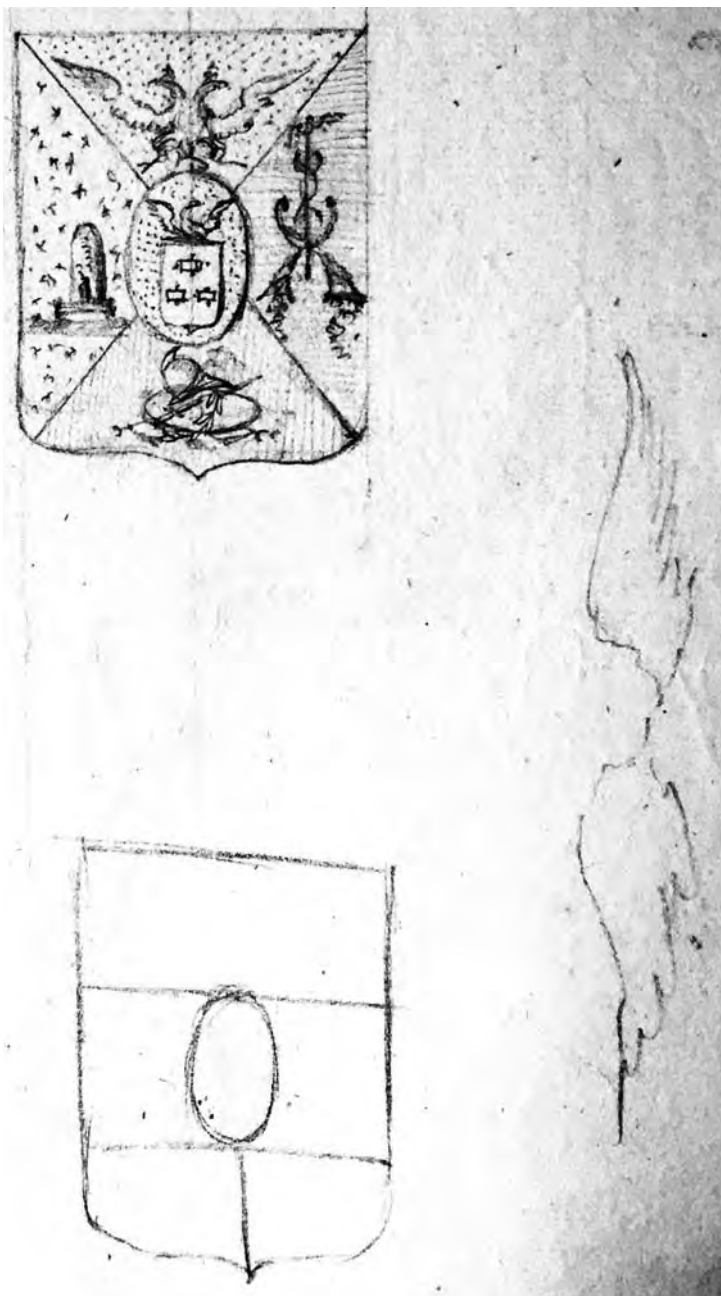
F. Открытый шишак с графской малой короной, украшенный перьями, означающий храбрость.

G. Шишак означает потомственный герб.

⁴⁰ Так в описании; возможно, что имеется в виду левая геральдическая сторона.

⁴¹ Так в описании; возможно, что имеется в виду правая геральдическая сторона.

⁴² РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–28 об., 32.

Ил. 3. Проекты графского герба Самойловых. Не ранее 1 января 1795 г. РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 35. Публикуется впервые.

Н. Шишак имеет турецкую чалму и разные знамены и штандарты, всего шесть, означающие разные над турками приобретенные победы»⁴³.

Рисунок этой версии отсутствует, но наиболее близок к нему карандашный набросок щита (ил. 3), где щиток, первое и второе поля идентичны приведенному выше описанию, а третья часть совмещает два другие поля (в ней жезл бога Меркурия соединен с рогами изобилия). В четвертом нижнем поле расположен щит, поверх которого перекрещенные меч и ветвь (возможно, масличная), а на них – шлем⁴⁴. Смысловые мотивы при таком расположении и добавлении фигур сохранялись теми же, что и раньше.

Составителя герба целенаправленно занимала проблема расположения многочисленных эмблем. Сохранился схематический рисунок карандашом (ил. 3), где предлагалась принципиально новая структура щита, с главой и разделенной вертикально оконечностью, а в центре – овальный щиток. Фигуры в полях не обозначены, поскольку такое неудачное деление было сразу и небезосновательно отвергнуто.

Вошедший в проект диплома на титул герб стала результатом большой работы, поисков, отбора фигур и, видимо, сопоставления с геральдикой других знатных родов. Структура, иконография и семантика его проектов полностью совпадали с парадигмой, выработанной в течение XVIII в. для знати, получившей титулы. В соответствии с ней герб должен был демонстрировать биографию владельца, содержать полностью или фрагментарно герб страны, на территорию которой распространяется юридическая сила пожалования, а также в него интегрировался «родовой герб», показывавший принадлежность к благородной, славной и древней семье. Проекты герба достоверно транслировали основные факты из жизненного пути А.Н. Самойлова: удачную военную карьеру, участие в русско-турецких войнах и заключении Ясского мира, должности государственного казначея и генерал-прокурора Сената.

Диплом Самойловых на графское достоинство остался не подписанным, и о нем даже не упоминается в историографии⁴⁵. Отсутствие санкции монарха можно объяснить тем, что пожалование произошло незадолго до смерти Екатерины II и выполнить все необходимые процедуры утверждения А.Н. Самойлов не успел, а при Павле I, ненавидевшим свою мать и соответствующим образом относившимся к ее деяниям, подтверждение титула оказалось сложной проблемой для ближайшего родственника бывшего фаворита.

Граф А.Н. Самойлов предпринимал попытку оформить юридически титул и герб. Сохранился черновик его прошения⁴⁶ о выдаче диплома на графское достоинство «с присоединением к употребляемому издревле в роде

⁴³ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–34 об.

⁴⁴ Там же. Л. 35.

⁴⁵ См.: *Хоруженко О.И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–26.

дворян Самойловых гербу приличных знаков службы моей»⁴⁷. В документе подробно описывалась вся карьера, причем основное внимание уделялось заслугам на военном поприще, подробно излагался ход сражений, в которых участвовал проситель. Имеется правка, в том числе смысловая. Она направлена на то, чтобы акцентировать санкцию верховной власти во всех действиях.

Прошение А.Н. Самойлова представляет собой черновик, и дата в нем отсутствует. Титул и имя монарха также не написаны. Датировать источник позволяют косвенные данные. Документ безусловно готовился после смерти Екатерины II, названной «блаженные памяти»⁴⁸. А.В. Суворов в основном тексте фигурирует как генерал-фельдмаршал и граф, но на полях вставлено – «ныне генералисси[мус], св[етлейший] князь Италийский»⁴⁹. Указанный чин полководец получил 28 октября 1799 г.⁵⁰ (князем стал раньше – 8 августа того же года); следовательно, документ написан после этой даты, но близко к ней, иначе автор черновика знал бы о новом статусе. В другой интерполяции упомянуто о факте пожалования А.Н. Самойлову в начале царствования «Вашего Величества» 4 тысяч душ крестьян в Литовской губернии. Таким образом, несомненно, что прошение готовилось в правление Павла I, а не его сына, и хронологическими границами источника следует признать период с 28 октября 1799 г. до 12 марта 1801 г. (дата убийства императора). Есть соблазн предположить, что прошение не было подано как раз из-за неожиданной кончины монарха, но это не более, чем гипотеза. В любом случае, в Герольдии о документе ничего не знали.

В конце XVIII в. ситуация с оформлением геральдических прав элиты существенно изменилась. Сначала, в соответствии с Жалованной грамотой дворянству 1785 г., санкционированный монархом герб признавался одним из основных и неоспоримых свидетельств принадлежности к благородному сословию. В январе 1797 г. это правовое положение развил манифест о составлении официального «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». В нем должны были содержаться гербы со статусом неопровержимых доказательств социального статуса. Процедура внесения в гербовник представляла собой правовое действие и предполагала необходимость подтверждать документально как происхождение владельца, так и то, что предоставленный герб «издревле» употреблялся в роде. Знать активно реагировала на новое мероприятие власти. Первые

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

⁴⁸ Там же. Л. 19.

⁴⁹ Там же. Л. 24 об.

⁵⁰ В тексте имеются косвенные упоминания и о других, но более ранних датах. Например, светлейший князь А.А. Безбородко назван покойным, а умер он 6 апреля 1799 г. (Там же. Л. 25 об.).

части «Общего гербовника» наполнены гербами самых известных российских семей.

Граф А.Н. Самойлов также пожелал утвердить свой герб, для чего ему потребовались документы о происхождении. Генеалогические доказательства в данном случае делились на две условные части: о польском периоде в истории рода и о службах предков российским монархам.

Самойловы, хотя и происходили из дворян, но весьма захудалых. Они не подавали поколенной росписи после отмены местничества в Палату родословных дел, и их родословие за XVI–XVII вв. пришлось буквально восстанавливать. Выписка из архивных дел, подтверждавшая существование рода с XVI в., была подготовлена⁵¹, но, по сравнению с документами других семей, она очень краткая, не содержала связного родословия и фактически сводилась к пересказу единственного источника о покупке Б.Ф. Годуновым вотчины у Самойловых. Для выяснения отношений между упомянутыми персонами пришлось пускаться в пространные рассуждения, сопоставления и хронологические расчеты, а главным доказательством родственных связей послужила территориальная близость земельных владений. Даже в сравнительно недавних своих предках А.Н. Самойлов путался. Граф сообщал, например, что его прадед, не названный по имени (в действительности – Варфоломей Лаврентьевич), служил во времена царя Алексея Михайловича воеводой в Вологде⁵². В справочнике А.П. Барсукова такого воеводы нет⁵³, а В.В. Руммель уточнял, что В.Л. Самойлов воеводствовал в Переяславле-Залесском, и было это позже, при Петре I⁵⁴.

В документах, связанных с утверждением герба, приобрела окончательный вид легенда об иноземном происхождении Самойловых. В источниках и литературе бытовало несколько ее версий.

Стремившиеся удревнить любой шляхетский род польские авторы отсчитывали Дом Сулимчиков, к потомкам которых причисляли Самойловых, с 1015 г., считая их родоначальником некоего Василия Самуйловича⁵⁵.

По другому мнению, первым известным представителем рода был Станислав из Плешкова, упомянутый в 1392 г. Он же якобы принял герб Сулима и по нему стал именоваться Сулимчиком⁵⁶. К тому же году возводил в прошении свой род и граф А.Н. Самойлов, но отсчитывал его от Василия

⁵¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 7–7 об.; черновик см.: РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–11 об.

⁵² РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.

⁵³ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М., 2010.

⁵⁴ Руммель В.[В.] Самойловы // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 28а. СПб., 1900. С. 216.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

⁵⁶ Там же. Л. 1 об., 3 об.

Сулимо Самуйловича, потомки которого в Польше «отличались разными республике служениями, благородному их достоинству соответственными, и имели маетности»⁵⁷.

Тезис о том, что Самойловы происходят от знаменитой фамилии, упоминаемой польскими летописями с 1392 г., повторялся в проекте диплома на графский титул, но никаких конкретных имен не называлось, а родословие отсчитывалось от Никиты Васильевича Самойлова⁵⁸. Этот шляхтич, по сути, становился ключевой фигурой родословия, позволяя объединить польских дворян с русскими служилыми людьми. После того, как в 1563 г. царь Иван Васильевич Грозный завоевал Полоцк, он принял московское подданство и стал основателем рода в России⁵⁹.

Существовала четвертая версия происхождения, согласно которой родоначальником считался Никита Самуйло герба Сулима⁶⁰, якобы выехавший из Литвы на службу в Россию в правление великого князя московского Василия Ивановича (1505–1530 гг.)⁶¹.

Таким образом, версии противоречили друг другу, между именами родоначальников и в датах выезда была путаница. Ни одну из них нельзя признать достоверной.

Между тем, иноземное происхождение требовало хотя бы формальных документальных доказательств. Обычно, дворяне поступали следующим образом: в обширной генеалогической литературе Польши подбирался род с похожей фамилией и к нему присоединялись русские служилые люди, причем фальсификаторы часто не утруждали себя ни поиском совпадений в именах, ни хронологической логикой. Для составления родословных использовались справочники С. Окольского, К. Несецкого и Б. Папроцкого, а также запрашивались выписки из польско-литовских архивов. Точно так поступили и Самойловы. У них имелась выписка из земских книг Полоцкой провинции, сделанная 6 марта 1773 г., в ней излагалось дело о признании шляхетского достоинства чашника дерпского Людвиг Самуйлы. Она была переведена на русский язык. В документе приводились многочисленные факты по истории рода в XVII–XVIII вв., заимствованные из документов и трудов польских генеалогов, преимущественно из справочника К. Несецкого⁶².

На основании выписки и справки о службах Самойловых в России были составлены две родословные таблицы. Первая показывала родословие от

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.

⁵⁸ Там же. Л. 38 об.

⁵⁹ Там же. Л. 19 об.

⁶⁰ «Энциклопедический словарь», изданный Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном, называл его белорусским шляхтичем, основываясь на том, что Самойловы выводили себя из Полоцка (*Р[уммель] В.[В.]* Указ. соч. С. 216).

⁶¹ Любимов С.В. Указ. соч. С. 183.

⁶² РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 1–6 об.; копию см.: РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8 об.

шляхтича Васи́лия Самойлова Сулимы и представляла собой древо со стволом и ветвями, на польском языке (см. вкладку, ил. 15)⁶³. Вторая начиналась с жившего в XVI в. Никиты и заканчивалась графом А.Н. Самойловым (ил. 4), это была нисходящая таблица⁶⁴. Два родословия между собой никак не соединялись.

Как ни удивительно, но, обращаясь с просьбой о внесении родового символа в «Общий гербовник», граф А.Н. Самойлов никакого самостоятельного документа о гербе не представил. Были только два рисунка польского герба Сулима без каких-либо атрибутов, указывавших на титул. Один находился при родословном древе потомства шляхтича Васи́лия, другой – при выписке о польских предках (см. вкладку, ил. 16)⁶⁵. Видимо, предполагалось, что он будет дополнен графской короной и утверждён.

Такой вариант герба также известен. Он сохранился среди материалов по разработке диплома на титул и представляет собой однопольный щит с гербом Сулима и графской короной; кроме нее имеются шлем и нашлемник, а вокруг щита помещены военная арматура и знамена (ил. 5). Рисунок выполнен карандашом и тщательно проработан в художественном отношении. Он резко отличается от других многопольных проектов, и, возможно, готовился не для диплома на титул, а по какому-то иному поводу; например, для внесения в «Общий гербовник дворянских родов». В таком контексте факт его визуальной близости с изображением на креманках из сервиза графов Самойловых⁶⁶ оказывается не случайным совпадением.

Как часто бывало в XVIII – первой половине XIX в., однопольный герб с карандашного рисунка персонифицирован. На владельца указывали 5 орденских крестов и цепь ордена Святого Андрея Первозванного вокруг щита. Качество исполнения позволяет идентифицировать все знаки. По бокам от щита расположены кресты ордена Святого Георгия II и IV степеней, внизу в центре – орден Святого Александра Невского, слева от него – орден Святого Владимира I степени, а справа – орден Святого Иоанна Иерусалимского. К сожалению, в данном случае ордена ничего не дают для датировки изображения, поскольку орден Святого Андрея Первозванного А.Н. Самойлов получил раньше, чем титул, на который указывает корона.

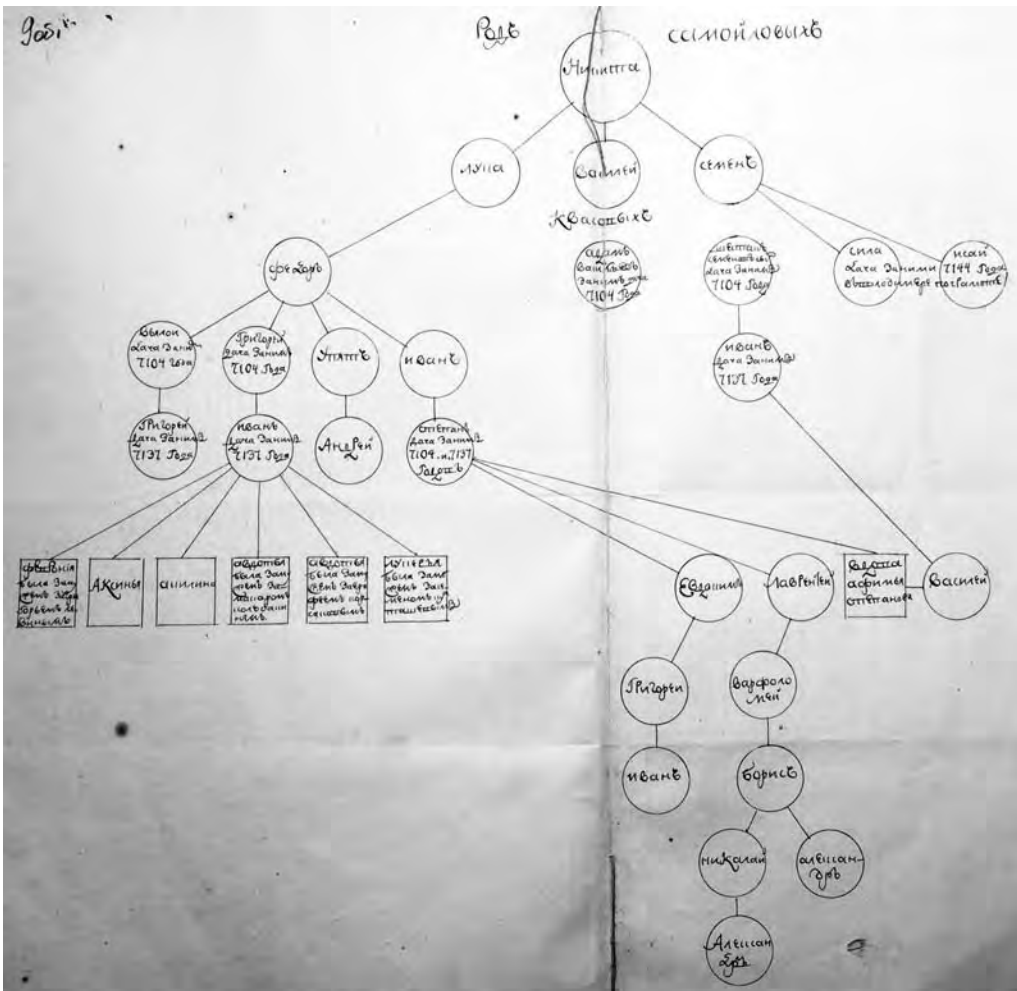
Прошение А.Н. Самойлова о внесении родового символа в «Общий гербовник» рассматривалось Герольдией 20 октября 1813 г. Решение гласило, что поскольку граф диплома на титул и герб не имеет и о том не просил,

⁶³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 8 об. – 9; черновик см.: РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об. – 13.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 9 об. – 10; черновик см.: РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об. – 15.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 а об., 11.

⁶⁶ Подробнее о них см. ниже.

Ил. 4. Нисходящая родословная таблица Самойловых, представленная в Герольдию. Ок. 1813 г. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 9 об. – 10. Публикуется впервые.

Ил. 5. Проект графского герба Самойловых. Не ранее 1 января 1795 г. РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 а. Публикуется впервые.

то дело следует отложить⁶⁷. Через год, 1 ноября 1814 г., А.Н. Самойлов умер, а дети его утверждением герба не занимались. Графский герб Самойловых остался на стадии проекта, а дворянский – в категории неутвержденных.

Содержащиеся в версиях герба эмблемы представляют собой визуально-семантическое единство, символическое мини-пространство, детерминированное биографией владельца. Их можно разделить на стабильные и вариативные. Первые присутствовали в большинстве или во всех проектах и оставались неизменными. Их всего две: герб Сулима как символ принадлежности к древнему иностранному дворянству⁶⁸ и двуглавый орел, который акцентировал милость монарха, личную, непосредственную связь А.Н. Самойлова с Екатериной II. Именно генеалогический статус рода и благоволение правителя имели для дворянина конца XVIII – начала XIX в. наиболее значимую ментальную, культурную, идентификационную, социальную ценность.

Остальные эмблемы были подвижны, взаимозаменяемы, взаимодействую, их расположение и состав в конкретном проекте постоянно менялись, а многочисленность отражала напряженный поиск оптимального визуального и семантического решения герба. Все они – а их 25 – связаны либо с военной, либо со статской службой владельца. Гражданские и военные символы почти не смешивались, для каждой категории предназначалось самостоятельное поле.

Успехи на гражданском поприще символизировали масличная ветвь, «гражданская корона», жезл (иногда тоже называемый «гражданским»), пирамида, медаль, цепь, камень, улей с пчелами, жезл Меркурия, рог изобилия, весы правосудия, око, пальмовая ветвь, лилия, а военные заслуги – щит, шлем, меч, крепостная стена, мечеть, луна, шахматы, пук стрел, гора. Между эмблемами существовала количественная диспропорция. Для отображения гражданской сферы предлагалось 14 фигур, для военной – всего 9. Статские должности открывали более широкий простор для составителей, чем военная деятельность, транслируемая преимущественно через оружие или символы победы.

Устойчивого значения не имели две эмблемы (лев и лавровый венок), выражавшие как военные, так и гражданские труды А.Н. Самойлова. Их трактовка зависела от конкретного проекта. К этой группе семантически близка чалма, использованная один раз в качестве нашлемника. Она также относилась к обоим сферам деятельности графа А.Н. Самойлова, символизируя и участие в русско-турецких войнах, и дипломатические заслуги при заключению Ясского мира.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 19–20 об.; копию см.: РГАДА. Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17.

⁶⁸ Структура герба Сулима в проектах сохранялась: камни помещались в щите, а орел – в нашлемнике. Будучи разделенными иконографически, эмблемы воспринимались как смысловое единство.

Все эмблемы были традиционны до банальности, аналогичные мотивы повторялись в русской родовой геральдике неоднократно; им не хватало семантической и визуальной оригинальности. Единственно, чем проекты выделялись среди гербов аристократии, – сравнительно редко встречавшиеся овальная форма щитка и дважды скошенное деление щита.

Из фигур наиболее интересен лев на горе из версии, вошедшей в диплом на графское достоинство. Дело в том, что одним из воинских подвигов графа А.Н. Самойлова был штурм города Бендеры, на гербе которого находилось близкое изображение – «лежащий лев в память затруднительного положения в сем цынуте шведского короля Карла XII после Полтавской битвы»⁶⁹. Между этим гербом, утвержденным в 1826 г., и гербом проекта жалованной грамоты А.Н. Самойлова 1795 г. не могло быть никакой связи, но они восходили к общему протографу – шведской медали с лежащим львом. Животное символизировало Карла XII, ожидавшего в Бендерах благоприятных условий для новой атаки на войска Петра I. Медаль существовала во многих вариантах и была широко известна в культуре XVIII в.⁷⁰

Основное внимание при разработке герба графа А.Н. Самойлова уделялось щиту, остальные элементы воспринимались как второстепенные и имелись только в 4 проектах из 13 (на одном рисунке и в трех описаниях). Большинство из них предопределялись изначально; корона, в частности, зависела от титула, а намет соотносился с цветами поля и основных фигур. Только нашлемники и щитодержатели могли нести дополнительную информацию, но в данных проектах они не оригинальны.

Варианты графского герба Самойловых интересны с точки зрения источниковедения и сословной культуры. Их информации не во всем достоверна: они адекватно отражают биографию графа А.Н. Самойлова, но генеалогически, демонстрируя происхождение из польской шляхты при помощи родового герба, неубедительны. Таким образом, одно из основополагающих требований внутренней критики – оценивать достоверность источника не в целом, а структурно, самостоятельно для каждого фрагмента, – в отношении герба Самойловых приобретает особую актуальность. Проекты их герба являются ценным историческим источником, который дает уникальную возможность проанализировать тенденции в становлении и развитии визуальной культуры русской аристократии.

Однако в реальности ни один из них не использовался. На печатях, экслибрисах и бытовых предметах Самойловы и после пожалования титула помещали герб Сулима, дополняя его графской короной.

⁶⁹ Винклер П.П. фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в «Полное собрание законов» с 1649 по 1900 г. М., 1990. С. 11.

⁷⁰ Выражаю сердечную благодарность выдающемуся геральдисту, доктору истории Сильвиу Андриеш-Табаку (Республика Молдова) за ценную консультацию о гербе города Бендеры.

Таково изображение их герба на креманках, изготовленных в первой половине XIX в. предположительно на Императорском фарфоровом заводе. Они находятся в собрании Государственного Эрмитажа и впервые опубликованы в каталоге выставки геральдического фарфора в 2008 г. Его составители не смогли атрибутировать герб графов Самойловых, хотя такая возможность имела⁷¹, так как он входил в состав брачного, двуштитового герба, и было известно, что второй символ принадлежал графам фон дер Пален. При изучении родословной выяснилось, что единственная возможная владелица креманок – графиня Юлия Павловна фон дер Пален (1803–1875), которая в январе 1825 г. вышла замуж за графа Николая Александровича Самойлова. Через Потемкиных супруги доводились друг другу дальними родственниками. Бабка графини Ю.П. Самойловой по матери – графиня Екатерина Васильевна Скавронская была племянницей князя Г.А. Потемкина, как и граф А.Н. Самойлов, отец жениха. Графиня Ю.П. Самойлова пользовалась широкой популярностью в высшем свете, ее многократно писал великий К.П. Брюллов⁷². Отзывались о ней так: «[...] Красива, умна, прелестна, обворожительно любезна, и в ее Славянке⁷³ собирался цвет петербургского общества»⁷⁴.

Атрибуцию креманок выполнила старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук Е.А. Яровая, на счету которой много удачных и ценных гербовых экспертиз⁷⁵.

Идентификация владельца позволила уточнить датировку предмета и, соответственно, изображения герба. Оно относится, как указала Е.А. Яровая, к 1825 г., поскольку изготовление креманок связано со свадебными торжествами. Они либо входили в сервиз, изготовленный по случаю свадьбы, либо были преподнесены в качестве подарка. Такая практика получила широкое распространение в повседневной жизни аристократии XIX в.

Давно известен и описан в специальной литературе принадлежавший графине Ю.П. Самойловой гравированный гербовый экслибрис⁷⁶. Он имел

⁷¹ Геральдика на русском фарфоре. СПб., 2008. С. 184–185 (принадлежность герба в публикации не указана).

⁷² Знаменитые россияне XVIII–XIX вв.: Биографии и портреты. 2-е изд. СПб., 1996. С. 639–641.

⁷³ Имение графини Ю.П. Самойловой.

⁷⁴ Знаменитые россияне XVIII–XIX вв.: Биографии и портреты. С. 640.

⁷⁵ Яровая Е.А. Геральдика на русском фарфоре. Послесловие // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина»: заседание 10 ноября 2010 г. СПб., [2010]. С. 3–6; Она же. Кремница из собрания РИАХМЗ в кругу изделий русского геральдического фарфора первой трети XIX в. // XIV Золотаревские чтения: м-лы и исслед. Т. I. Рыбинск; Ярославль, 2010. С. 152–155. Атрибуция Е.А. Яровой была повторена без указания авторства, см.: Пчелов Е.В. Геральдический фарфор и графиня Юлия Павловна Самойлова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Ч. 2. М., 2013. С. 484–487.

⁷⁶ Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 751 (только описание); Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. [Вып. 1]. М., 1905. С. 251, рис. 293.

три варианта, различных по бумаге и размерам: 54 x 34 или 56 x 34 мм.⁷⁷ На нем изображен герб графов фон дер Пален с небольшими отличиями от утвержденной версии (самое существенное – использование княжеской мантии) и указана принадлежность – «Csse. Julie Samoyloff Pahlen» (в переводе с французского «графиня Юлия Самойлова-Пален»).

Приняв во внимание двойную фамилию, У.Г. Иваск считал рисунок на книжном знаке гербом графов Самойловых-Пален. С подобной точкой зрения согласиться нельзя, поскольку такого герба никогда не существовало, как не было и таких графов. Это личный экслибрис графини Ю.П. Самойловой в период, когда граф Н.А. Самойлов уже скончался, и именно поэтому использован ее девичий герб, а не герб Самойловых.

Предлагаемая интерпретация позволяет уточнить датировку книжного знака. У.Г. Иваск относил его к середине XIX в., а С.И. Богомолов – ко времени первого замужества графини Ю.П. Самойловой, то есть к 1825–1843⁷⁸ гг. Однако для этого периода более вероятно использование брачного герба, как, например, на упомянутых креманках. По нашему мнению, позиция У.Г. Иваска более справедлива, и книжный знак графини Ю.П. Самойловой относится к 1843–1875 гг., к периоду от смерти графа Н.А. Самойлова до кончины самой владелицы.

Известно о существовании печати с гербом графов Самойловых. В начале XX в. она находилась в гербовом отделении Департамента Герольдии Сената⁷⁹. Графы Самойловы имели также гербовый суперэкслибрис. Один из его экземпляров находился в коллекции профессора В.К. Лукомского⁸⁰ и погиб вместе со всем собранием ученого в 1942 г.

Геральдизация рода Самойловых происходила традиционным для русской аристократии, не относившейся к Рюриковичам и Гедиминовичам, способом. Необходимость в визуальной репрезентации сословного статуса возникла в неразрывной связи со стремлением уподобиться другим родам генеалогически, через создание легенды о выезде родоначальника из-за границы. Это детерминировало рецепцию иностранного, в данном случае, да и чаще всего в России, польского герба. Затем предполагалась его интеграция в персонифицированный герб графа А.Н. Самойлова. Он предназначался для всех членов рода, но в первую очередь ассоциировался с самим графом, так как в XVIII в. степень интеграции герба и личности владельца была очень высока. Субъективизированная семантика, ориентированная на конкретного человека, синтезировалась с общесемейной сферой бытова-

⁷⁷ Размеры экслибриса, указанные У.Г. Иваском (63 x 43 мм.), отличаются от тех, которые привел С.И. Богомолов.

⁷⁸ Указание на 1843 г. является ошибочным, граф Н.А. Самойлов умер в 1842 г.

⁷⁹ [Лавровский В.К.] Указатель печатей русских дворянских родов. Пг., 1916.

⁸⁰ Лукомский В.К. Записка об архиве, коллекции и библиотеке // Гербоведение. Т. I. М., 2011. С. 177.

ния. Такая ситуация характерна для многих гербов титулованной аристократии. Например, в «Общем гербовнике» имеется герб графа А.Г. Бобринского, а не графов Бобринских⁸¹.

Ранее нами изучалось становление генеалогической и геральдической традиции у графов Киселевых, русского служилого рода, также, как и Самойловы, выведившего себя из польской шляхты⁸². Несмотря на уникальность конкретной информации в каждом случае при геральдизации и генеалогической мифологизации у двух названных семей обнаружили многочисленные типологические, структурные, источниковедческие аналогии. При создании герба Киселевы опирались на те же генеалогические доказательства и семантико-визуальные идеи, что и графы Самойловы. Это свидетельствует о том, что к концу XVIII в. в среде аристократии сформировалась определенная, четко осознаваемая парадигма геральдическо-генеалогической культуры⁸³.

История гербов Самойловых исключительно полно демонстрирует опыт интеграции геральдических и генеалогических сюжетов с культурными традициями элиты рубежа XVIII–XIX в. Изучение их генезиса позволяет реконструировать модель формирования визуальных репрезентаций у тех аристократических родов, в архивных фондах которых не сохранился столь же обширный комплекс геральдических источников.

Приложение

Рисунки гербов Самойловых, находящиеся в Российском государственном архив древних актов и Российском государственном историческом архиве

№	Вид герба	Дата рисунка	Шифр архивного хранения	Техника исполнения	Примечания
1.	Графский.	Не ранее 1 января 1795 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.	Цветной.	
2.	Графский.	Не ранее 1 января 1795 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.	Цветной.	
3.	Графский.	Не ранее 1 января 1795 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.	Цветной.	.

⁸¹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., [1799]. № 27.

⁸² Наумов О.Н. Гербы рода Киселевых...

⁸³ Наумов О.Н. Геральдическая культура русского дворянства: постановка проблемы // Преподавание истории в школе. 2016. № 2. С. 27–31.

4.	Графский.	Не ранее 1 января 1795 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.	Простой карандаш.	На листе расположено 2 рисунка.
5.	Графский.	Не ранее 1 января 1795 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.	Простой карандаш.	На листе расположено 2 рисунка.
6.	Графский.	Не ранее 1 января 1795 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 а.	Простой карандаш.	
7.	Польский герб Сулима.	Не позже 20 октября 1813 г.	Ф. 1453. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.	Перо.	Приложен к родословному древу; черновой вариант № 8.
8.	Польский герб Сулима.	Не позже 20 октября 1813 г.	РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 8 а об.	Цветной.	Приложен к родословному древу.
9.	Польский герб Сулима.	Не позже 20 октября 1813 г.	РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7809. Л. 11.	Цветной.	Приложен к генеалогической выписке.